

Мнения

Примадонна: талант или характер?

Сегодня. — 1993 — 13 авг. — с. 10

Алекс Дампф

П

омню, вы как-то обмолвились, что ваша Тоска — не настоящая примадонна. Что вы имели в виду?

— Что в ней нет самоуверенности, победительности. Она стала примадонной не по характеру, а по таланту. В ней есть наивность, ранимость ребенка.

— А где была ваша первая «Тоска»?

— В «Ла Скала».

— А в Минске?

— В Минске я воевала, чтобы петь по-итальянски, и там был большой скандал, после которого мы с Марком (муж Марии, баритон Марк Гулегин — А. Д.) ушли из театра.

— А что было в Минске до скандала? Как начиналась ваша деятельность? Это был ваш первый театр?

— Да, первый. Я поехала в Минск потому, что там работал Ярослав Вошак. Очень серьезный

На сцене Мария Гулегина очень разная. В ее Тоске с первого появления есть предчувствие катастрофы. Порывы этой сверхчувствительной натуры выдают глубину интуитивных прозрений.

В ее Мадалене де Куаньи (опера У. Джордано «Андре Шенья») нет не только драматизма, но и серьезности: кокетливая девочка видит мир в розовом свете. И только к концу оперы (идушей в Вене в старой, «нейтральной» постановке) девочка превращается в любящую женщину.

Разная ли Гулегина в жизни, не знаю. Я впервые встретился с ней после спектакля в венской Штаатсопер: в гримерной, снимая парик, она с трепетом слушала знаменитого концертмейстера, сама разбирала свои недочеты. И в разговоре через несколько дней не возник тот прихотливый образ, который создала Гулегиной околооперная молва. Серьезная, очень красивая молодая женщина пыталась взглянуть на себя со стороны. Щebet венского кафе хоть и мешал впоследствии расшифровывать пленку, но служил подходящим фоном для нашей беседы.

музыкант. Светлана Филипповна Данилюк слышала меня на конкурсе и сказала: «Деточка, я тебе золотые горы не обещаю, но непопечатый край работы гарантирую». А что может быть лучше? Было три сложнейших прослушивания. Данилюк много сделала для того, чтобы меня взяли в театр. Некоторые говорили: «Зачем она нам? У нас своих, белорусских певиц дос-

точно». Кстати, у меня есть белорусская кровь, мои предки Миклашевичи — довольно знатный род.

— Ваша девичья фамилия армянская.

— Мой отец армянин. Во мне есть и украинская кровь, и польская. Но в театре не знали, что я причастна к белорусской нации. Я не говорила об этом. Сказала уже

после того, как получила заслуженную артистку Белоруссии.

— Что вы спели в Минске?

— «Аиду», «Дон Карлос», «Севильский цирюльник».

— Все по-русски?

— Да. Еще спела «Иоланту». Иду вскоре после приезда по коридору, вижу — висит состав «Иоланты». Подхожу, чтобы посмотреть, кто поет. О ужас: я пою! Когда? Через месяц!

— Партия была готова?

— Откуда? В минской постановке Иоланта уже в увертюре сидела на сцене, за тюлевой занавеской. И мне стали сниться страшные сны: что я роль не выучила, а уже сижу на сцене...

— А скандал в Минске случился уже после смерти Вошака?

— Да, конечно. После смерти Вошака все постепенно начало приходить в упадок. Вошак был сильный, он мог всех «держать». Потом пришел очень талантливый музыкант Геннадий Проваторов. Но он слишком мягкий человек. Впрочем, до Проваторова пару лет был еще Анисимов, который все и развалил. И теперь разваливает дальше.

— А вы пели в «Сказках Гофмана»?

— Нет. Я хотела петь все три партии, как это принято, но мне не дали. Кстати, когда я работала в Минске, особенно первый год, брала каждые два-три месяца отпуск за свой счет и ездила в Одессу заниматься со своим профессором Евгением Николаевичем Ивановым.

— Кого он еще воспитал?

— У него много талантливых учеников, среди них чуть ли не все — лауреаты. С ним занимался и Паата Бурчуладзе. Иванов вообще был замечательным певцом, очень теплым, эмоциональным. Но в жизни отличался сдержанностью. Как педагог никогда особенно не хвалил. Самая большая похвала из его уст: «Нормально». Паата как-то сказал: «Когда Иванов говорит „нормально“, Караян кричит „браво“».

— А как возник в вашей жизни «Ла Скала»?

— Там искали певцу для «Набукко», и Паата Бурчуладзе порекомендовал меня. Он сказал, что я все могу спеть.

— У меня, честно говоря, после конкурса Чайковского было такое же ощущение.

— Доктор Мацонис прослушал меня в Москве и предложил петь в «Ла Скала». Но мои документы отправили в Ереван. Они там пролежали три месяца, после чего пришел ответ, что такой певицы у них нет. В «Скала» быстро переделали контракт на «Бал-маскарад». Так получилось, что я приехала петь последние спектакли. Освистали и первую, и вторую исполнительниц Амелии — Марию Парацини и Мари-Сюзанн Пирсон. Я сидела на этих спектаклях в ложе и слышала все своими ушами. Мацонис мне сказал: «Если у них не выдержат нервы, пойдешь продолжать после антракта». Я сидела и молила Бога, чтобы у них хватило сил допеть до конца. Все обошлось. Я спела свои спектакли. Был огромный успех.

— Мария, а у вас взрывной характер? Сейчас вы разговариваете мягко, но на сцене, в прежних интервью мне виделась женщина иного склада. Вы себя как-то воспитываете, сдерживаете или просто изменились?

— Сейчас я совсем другая. Меня очень многое раздражало раньше в театре, в жизни. Хотелось сделать что-то хорошее, а это наталкивалось на глухую стену. А теперь у меня жизнь совсем иная, проблемы иные. И освобождается масса положительной энергии.

— А что за история случилась в «Ла Скала» с оперой Пуччини «Манон Леско»? Почему вместо вас премьеру пела артистка Большого театра Нина Раутио?

— У меня не сложились отношения с дирижером Лорином Маазелем. После того, как я заключила контракт со «Скала» на «Манон», он три раза вызывал меня к себе домой в Монте-Карло. У меня был свой график: спектакли, репетиции. Я не смогла к нему приехать. А когда я пришла на репетицию «Манон» в театр и спела буквально два такта, он скривился так, будто лимон съел. Я-то знаю, что у меня не самый противный голос и у него не было причин кривиться. А Нина начала себя вести очень странно по отношению ко мне. Давала понять Маазелю, что Гулегина — это так, ерунда, а вот я сейчас спою! И вообще много было странного. У меня, например, были прекрас-

ные отношения с пианистом маэстро Пизани, и вдруг он начал на меня косо смотреть. Наверное, все это школа Большого театра, которую Нина прошла и хорошо усвоила. В общем, «Манон» с Маазелем я так и не спела. Но контракт был подписан, я должна сказать, что Нину Раутио освистали, Маазель даже не выходил на «апплаус» в последних спектаклях. А у нас был успех. И критика была соответствующая. Газеты писали, когда пела Раутио: «Куда делась Гулегина?» Я же значилась в первом составе. В эти же дни у меня были спектакли в Вене, и «Скала» без конца перезванивался с Веной: кто когда меня отпускает. Короче говоря, в тот день, когда Раутио пела Манон, я в Вене пела Тоску. Чтобы Маазель не сказал, что у меня нет голоса! Был огромный успех.

— Когда я узнал, что Раутио едет в «Ла Скала» на «Манон», я сразу сказал: «Премьеру будет петь она. Не знаю, что она сделает с Гулегиной, но премьеру спеть она ей не даст».

— История с «Манон» для меня не так плохо кончилась. Там есть одна журналистка по фамилии Маццола, она всем выставляет баллы. Так вот, мне она поставила самый высокий — семь с половиной. Раутио получила пять, кто-то три, кто-то четыре балла. Маазель получил шесть.

— Давайте поговорим немного о Мадалене в «Андре Шенья».

— Мадалена в первом акте для меня чем-то близка к «Севильскому» — там много солнца. В начале она просто взыблосная аристократка. А когда она слушает поэта Шенья, постепенно меняется, он пересоздает ее. Из легкой дурочки она превращается в человека. По-моему, дальше там нет серьезной драмы. Она идет за Шенья до конца, на эшафот, из-за любви, но особенно понимая, что делает. Просто для нее нет жизни без Андре.

— Вы ощущаете себя звездой?

Она

— Не знаю. Когда получаю аплодисментов больше, чем другие, пожалуй, ощущаю. И когда чувствую, что спела хорошо. Но все это до снятия грима. После этого стараюсь быть сама собой. Но когда делаешь первые шаги, гордишься собой необычайно, думаешь, что ты уже звезда. Конечно, потом это проходит, постепенно обтесываешься. Знаете, когда я прилетела на конкурс в Рио-де-Жанейро, то шла по улице, как красный флаг. «Мне страна доверила участвовать в конкурсе!» — было написано на моем лице. Ну что поделаешь — все мы были сдвинуты.

— Что, в певиче Гулегиной нет такой самоуверенности, чтобы она бралась за любые, самые полярные партии, как Каллас в годы расцвета?

— Самоуверенности, кажется, нет, а уверенность в себе есть, иначе бы я не выходила на сцену. Но это качество нужно мне только в театре, а в жизни это лишь пустое фанфаронство.

— А что толкает вас вперед? Что заставляет совершать очередной прыжок?

— Мне нравится учить новые оперы, входить в новые образы. Мой муж придает мне сил. Когда я открыла оперу Верди «Двое Фоскари» и увидела там несметное число нот на дополнительных линейках, у меня у самой глаза вылезли на дополнительные линейки. А Марк меня убеждал, что это мое, что у меня получится. Так и вышло в результате.

— А вам не жалко иногда, что по законам оперного бизнеса вы должны отказываться от рискованных шагов?

— Я пою не ради того, чтобы сорвать лавры, а для того, чтобы что-то выразить голосом, который мне дал Бог. Он мне его дал. Он его когда-то заберет. И пение — мое служение Богу. Я стараюсь разумно относиться к голосу.

— А не хочется, как Каллас, спеть сразу все самое трудное?

— Каллас — моя любимая певица, но только не для сравнения. Я хочу жить своей жизнью. Кто знает, лет через десять, может быть, я стану смелее.